

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГНОМИТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багратион, С. Динамова, М. Кольцова, В. Яковина, А. Севянинова, М. Севянинова, М. Субоцкого, М. Серебрянского, М. Чарова, Е. Успенко.

ЦЕНА 20 КОП.

23

СЕНТЯБРЯ

1933

44 (299)

ПОМОЖЕМ ПОЛИТОТДЕЛАМ В БОРЬБЕ ЗА КУЛЬТУРНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Огромное большинство дела делают в деревне политотделы МТС и совхозов. С небывшим упорством, со всей неиссякающей энергией большевики осуществляют свои решения явского пленума ЦК и ЦКК о работе в деревне, дерутся за укрепление колхозного строя, за рост и мощь социалистического сельского хозяйства.

советских писателей должен быть встречен десятками книг о политотделах. Но это—одна сторона участия литераторов в строительстве колхозного строя, в работе политотдела. Нужно также помочь политотделам в борьбе за культурную революцию в деревне, нужно оказать им настоящую помощь. Здесь наши издательства проявляют недопустимое отставание. Прошло почти три четверти года после создания политотделов. За это время ими проведена огромная работа.

И. Френкель

РАССВЕТ В БУМАИРЕ

из ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА ЯЛУТОВСКОЙ МТС

Помещаемое ниже письмо начальника политотдела тов. И. Френкель об одном из эпизодов работы политотдела живо рисует обстановку и методы подлинно большевистского руководства в деревне.

Через поля в туманных напывах, наполненные неутоляемым ветром, мы проносимся, подпрыгивая в кабине трехтонного АМО, и мой заместитель т. Завалин. Жаром встает от мотора.

Подымается шум. Все кричат, размахивая руками. Ждут у нас в разрезку в организации труда. Теперь собрание походит на дискуссию в штабе перед боем. Перебиваем бригады, выделяем хозяйственное звено и напеваем ему групповую.

С. Подольский

нач. политотдела Буткинской МТС (Урал)

НАМ НУЖНЫ ПИСАТЕЛИ, АКТЕРЫ, ПЬЕСЫ, КАРТИНЫ

С величайшим интересом прочел я то, что т. Стецкий обратился к писателям с призывом показывать дела и дни политотделов МТС и совхозов.

Правильно поступил т. Юдин, посвятив этому большому делу свою статью в «Литературной газете», к которой я спешу присоединиться, как и к письмам моих товарищей—начальников политотделов.

Великие, незабываемые и неповторимые дни переживает колхозная побеждающая деревня. Трудно найти слова, чтобы рассказать о тех процессах, которые происходят в глубинах глубин колхозных масс.

Вот Михаил Петрович Берсенева—председатель коммуны «Красный май». Огромный, мелкий, увлеченный человек. Суровый и молчаливый. Ясные и голубые глаза молодого овсеют бороздотое лицо.

Я обязуюсь посланному ко мне товарищу писателю создать все условия для его работы. Мы, работники политотдела, сможем найти ему интересную работу и помочь в его творчестве. Но не только писатель нужен в политотделе.

А. Корлов

нач. политотдела Меркутинского маслозавода

ЗА КНИГИ СОВХОЗУ И О СОВХОЗЕ

Табор одной из посевных бригад Меркутинского маслозавода. Эта бригада систематически выполняет нормы выработки по пахотке и боронке. Наряду с мероприятиями по ликвидации пропашки работники политотдела организовали читку художественных произведений. Первыми читали стихи Безыменского «Большевики». Они вызвали всеобщий интерес у слушателей.

Работники театрального искусства должны подхватить призыв «Литгазеты». Если бы вы, товарищи, видели, какая огромная жажда и тяга к искусству в разоруженных и быстро растущих колхозных массах...

К нам в политотдел приехала агитбригада из Талиды (районный центр). 11 рабочих-репетиторов с собой горячий энтузиазм, огромное желание, и полную техническую беспомощность и неаппетит. Но когда кочью в поле, в стану,

Колхозники одного из колхозов на Кивеншине получают книги в своей библиотеке. (Созофот).

они демонстрировали свое «умение»—пели, танцевали, то их пассивное, примитивное зрелище волновало и увлекло колхозников. Скоро это увлечение примитивом пройдет. Потребуется более серьезное и глубокое искусство. Кто ответит на эту потребность? И потому нам очень нужны преданные, готовые самоотверженно работать инструктора самодеятельности.

Необходимы и хорошие кинокартины. Когда в Москве я бывал на диспуте в кино, я не представлял себе, какой огромный разрыв существует между острой нуждой масс в хорошей кинокартине и тем, что дает им Совкино. К нам пришла кинопередвижка и привезла картину «Флаг науки». Я был на просмотре ее в поле в бригаде и очень сердился. Кому она здесь в бригаде в разгар уборочных работ нужна? Надпись на английском языке. Импрессионистские кадры, еще кое-как понятные в городе, здесь производят обратное и очень вредное впечатление. Если бы т. Шумицкий, Плетнев послушали замечания колхозников об этой картине...

Начальники политотделов требуют

Мих. Шмидт

нач. политотдела Балахтинского зерносовхоза (В. Сиб.)

ЖДЕМ ПИСАТЕЛЕЙ, ТРЕБУЕМ КНИГ!

Совхозная тематика выпадает из нашей пролетарской литературы, а если стало бы поставлено в центре внимания, выполняла одну из основных директив т. Сталина о том, что в лавах, становимся крепостом перестройки сельского хозяйства должны идти и идти совхозы.

Я считал бы необходимым приезд небольшой группы писателей (в частности товарищей, с которыми я занимался до отъезда в политотдел в Институте красной профессуры,—Исаба, Суркова и др.) в наш зерносовхоз, крутящийся совхоз, за сезонной больше всех в крае. Совхоз имеет 212 тракторов, 92 комбайна, более полусотни автомашин. Думаю, что такой состав не может не заслужить внимания писателя.

Еще один вопрос—о критическом анализе о вышедших и выходящих книгах на темы деревни «БРУСКИ», «ТИХИЙ ДОН», «ЕНАВИСТИ» и т. д.

По-моему надо провести читательские конференции об этих книгах и на основе этого материала дать статью, ВСЯ БЕДА, ОДНАКО, В ТОМ, ЧТО ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ДО ДЕРЕВНИ НЕ ДОХОДИТ. Факт такой, что не только крупнейший в крае Балахтинский зерносовхоз не имеет никакой художественной литературы—ее не имеют также и окружающие колхозы. А ТЯГА К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ У ПЕРЕДОВЫХ СОВХОЗНЫХ РАБОЧИХ ОГРОМНА.

МОИ ЗАЯВКИ НА ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ МОСКОВСКИМИ ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ НЕ ВЫПОЛНЕНЫ.

Нельзя будет, если «Литгазета» установит общий контроль за продвижением художественной литературы в деревню.

Д. Шумаков

нач. политотдела Суминской МТС

СОЗДАДИМ ИСТОРИЮ МТС!

Прочитав передовую «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» от 23 августа, я считаю, что наряду с посланием писателей в МТС и совхозы для создания художественной литературы НАДО УЖЕ НАЧАТЬ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ МТС, так как по свежим, горячим стопам легче ее создать.

ИСТОРИЮ МТС НАДО НАЧАТЬ СО СЛОВ ВОЖДА НАШЕЙ ПАРТИИ Т. СТАЛИНА, сказанных на XV съезде партии, где он касался опыта первой в Советском союзе ШЕВЧЕНКОВСКОЙ МТС. В написании истории МТС большую помощь окажут политотделы.

ДАТЕ СОВХОЗНУЮ ПЬЕСУ!

Работая в драмкружке при клубе зерносовхоза «Тракторист», мы находим пьесы из жизни совхозов. Приходится ставить первые попавшиеся пьесы, которые косвенно не отражают совхозной жизни. Огромные фабрики совхозов и громадные коллективы рабочих не могут выдать своей жизни на сцене. Мы просим редакцию, культотдел нашего союза и политуправление

Нархозсовхозов, чтобы они организовали это дело. Снабдите нас пьесами, инсценировками и репертуаром малых форм вообще. Mobilizуйте на это важное дело инсценителей и драматургов! Члены драмкружка при клубе зерносовхоза «Тракторист»: БОРОДКИНА, САХНОВ, БУЗАЕВ

ОБЕЩАНИЯ ДАНЫ, НУЖНЫ ДЕЛА

ДАДИМ ПЬЕСЫ ДЛЯ ПОЛИТОТДЕЛОВ

Редакционный совет МТП обсудил выдвинутый «Литературной газетой» вопрос об издании колхозных пьес для политотделов МТС. Откликнулся на призыв культотделов МТС создать колхозные пьесы для политотделов, РЕДАКЦИОННЫЙ ПОЛИТОТДЕЛОВ ВКЛЮЧИТЬ В ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН МТП НА 1934 ГОД ИЗДАНИЕ НЕ-

СКОЛЬКИХ ТАКИХ ПЬЕС как из числа уже имеющихся, так и пьес, которые будут написаны. МТП заключит ряд договоров с драматургами на издание колхозных пьес. МТП обращается к советским драматургам с призывом издать работы политотделов МТС и написать для издания пьесы о новой деревне.

«СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» КОЛХОЗНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Огромный спрос, предъявляемый колхозным читателем на произведения художественной литературы, потребовал от издательства «Советская литература» выпуска в середине нынешнего года в больших тиражах дешевых изданий наиболее выдающихся произведений художественной литературы.

Выпустили несколько изданий «Поднятой целины». Последнее издание ее вышло на днях в 100 тыс. экземпляров по рублю экземпляром. На днях выходит в массовом издании третья часть «Брусков» («Твердой поступью»)—100.000 экз. В ближайшем издании выйдет в массовом издании «Ледолам» Горбунова—50.000 экз. До конца года выйдут первые пять «Кинжик-гренешников»—по 500.000 экз. Сюда войдут обработанный в самостоятельном рассказе отрывок из «Поднятой целины», обработанный в самостоятельном рассказе отрывок из III тома «Брусков», рассказ Афиногенова «Лиза Сорочкина» (о передаче человека в процессе социалистического строительства), рассказ Ставского «В плавании» (о классовой борьбе в деревне), рассказ в стихах «Мать» Н. Дементьева. Кроме того выходит рассказ Новикова-Прибоя из 2-й части «Луисмы».

ДРАМАТУРГИ ОТКЛИКАЮТСЯ НА ПРИЗЫВ

Мне почастаивалось работать в колхозе МТС. ОБЯЗУЮСЬ НАПИСАТЬ В 1934 ГОДУ ПЬЕСУ О ПОЛИТОТДЕЛАХ, УДАРНИКАХ-КОЛХОЗНИКАХ О НОВОЙ ЖИЗНИ И НОВЫХ ТИПАХ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ.

не деревни на базе коллективизации работы МТС. В ответ на призыв культотделов МТС создать пьесы для политотделов и на вызов А. Завалишина объявляю обязательство в 1934 году написать одну двухактную пьесу о работе политотделов МТС.

Вызывает Ф. ВАГРАМОВА, А. УСПЕНКОВА, А. СУББОТИНА, Ф. ПЕРСОНОВА и НАБАТОВА откликнуться на призыв культотделов МТС создать пьесу о новой деревне. А. ЗАВАЛИШИН.

ОТ РЕДАКЦИИ. «Литгазета» убеждена, что т. Завалишин и Субботин—только первые зачинщики этого огромного важности дела. Мы ждем дальнейших обязательств от т. т. Катаева, В. Кирилова, Н. Попова, А. Глебова и всех писателей, изучающих колхозную и совхозную действительность.

ГИХЛ даст пьесы и методпособия

ГИХЛ даст во втором полугодии 1933 года сверх плана 37 книг классиков и современной художественной литературы в специальной серии «Книгу—социалистическому дереву» с большим тиражом (подавляющее большинство книг—50—100 тысяч экземпляров).

В эту же серию включено пять пьес (тираж по 15—20 тысяч). Пьеса Чуркина «Прорыв в любовь» уже вышла (тираж—18.000), пьеса «Собственность» («Родня») выходит на днях (тираж—18.000), пьеса Ставского и Павлоченко «Разбег» выходит на днях, пьеса Бабкина «Архинов» дана в производство, пьеса Чуркина «Поднятая целина» по роману Шолохова (вариант из деревенских слухов) подготовляется к печати.

Пять горьковских спектаклей в театрах Москвы

Пять московских театров в этом сезоне ставят пьесы А. М. Горького. На протяжении двух месяцев (октябрь—ноябрь) московский зритель увидит в новых постановках: «Егор Булычев и другие»—МХАТ СССР им. Горького (режиссер В. Г. Сахновский), «В людях»—искусствовед П. Сухомина по рассказам Горького—в филиале МХАТ СССР (режиссер М. Н. Келеров); «Достигаев и другие»—в театре им. Вахтангова (режиссер Б. Е. Захаров); «Враги»—в Малом театре (режиссер К. Хохлов) и в театре им. МОСПС (режиссер А. Рубин); художественный руководитель Е. О. Любимов-Ланской).

Пол впечатлением своего посещения вспоминает собственное детство (I акт—первая и вторая картины: рассказ «Страсти-мордасти» и отрывок из «Детства»). Затем мы видим его (в первой и третьей картинах—II акта) работающим в цехе (рассказ «Хозяин» и «Двадцать шесть и одна»). Между этими картинами—сцена у городского Никитинского, образ которого взят из «Мои университетов». В III акте—сцена с сыновьями («Матвей Кожемякин» и «Жизнь неунывающего человека») и заключительная сцена спектакля—встрет Алексеев («Мать»).

Нашей первой задачей в работе над пьесой «Враги» является самое тщательное и глубокое изучение материала, который дан нам автором. Правильно понять и передать все мотивы, руководящие действиям горьковских персонажей; полно и разносторонне вскрыть каждый образ во всей целостности его самих противоречивых явлений, освоить образ мысли каждого и утвердить—совместно или осуждая—истинность его страстей и правдоподобие чувствований; привнести всех в живое и естественное подлинное живых людей, живших и действовавших в конкретной исторической обстановке конца прошлого и начала двадцатого века, для всего этого Горький дает нам богатейший материал.

Заинтересовали нас во «Врагах» присущий Горькому замечательный язык, абсолютная законченность образов, мастерский показ эпохи, а также глубокая вера в силу рабочего класса, предвосхищение его дальнейших побед. Это было проделано Горьким не случайно, а на основе точного марксистского анализа. Тем ближе, тем дороже нам Горький (Е. О. Любимов-Ланской).

Пьесу Горького «Достигаев и другие» театр им. Вахтангова покажет в Октябрьские дни.

В своем постановке второй пьесы театралогии Горького держат же привычки, что и в «Егоре Булычеве»,—отмечает режиссер В. Е. Захаров.—Принимая оформление спектакля, scenicкой игры, найдены в «Егоре Булычеве» должны получить дальнейшее развитие, чем в «Егоре Булычеве», производится из умах рядом одной семьи, превращается в изобразительную широко социальную среду.

О постановке «Врагов» в Малом театре режиссер К. Хохлов говорит:

В 1934 году намечено выпустить для деревни: 500.000 экземпляров «Поднятой целины», 200.000 экз. трех томов «Брусков» и ряд других томов. В течение года выйдут 15 «Кинжик-гренешников» в миллионном тираже каждая. Для обеспечения высококачественных произведений для «Кинжик-гренешников» нами объявлен конкурс на художественное произведение в размере I листа. Выделено 10.000 руб. для премирования рукописей. Одновременно издательство объявило конкурс на художественное произведение о политотделе МТС или совхоза. Для премирования рукописей выделено 20.000 руб. Учитывая растущие потребности колхозного читателя в хороших и дешевых изданиях, «Советская литература» соответственно построила свой план на 1934 г. На выпуск книг для деревни издательство отводит ориентировочно 30 млн. листов-оттисков, что составляет 60 процентов всего годового листажа. Пред. правления издательства «Советская литература» Г. ЦЫПИН

СМОТР молодых писателей

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ХУДОЖНИКА

Так рождается художник. Перед ним вся телота его жизненного опыта, все дни и годы, наполненные грязью и кровью, муками и страданиями, одиночеством и голодом, веснами и зимами, мраком и светом, старым и новым. Жизненный опыт, знание прожитого, понимание увиденного, осмысливание прошедшего — это формирует писателя, дает ему постановку творческого голоса. Без этого его искусство будет бесплодным и бесплодным. Вспомни Гете:

«Один взгляд на книгу и два в жизнь — вот что должно давать ему надеждающую форму».

А. Авдеенко хлебнул жизни с верхом, он полон ею, он знает ее. И рассказывает о ней ясным и чистым голосом, хотя столько в его первом романе от нечистоты жизни, от сумрака в ней, что удивляешься, как он выдержал этот роман и крепкий творческий голос, как не сорвался, не психнул или не взорвал от ужаса и страха.

Авдеенко вызывает образ мертвого и страшного прошлого, он с ненавистью и с болью рассказывает о своем опыте за гранью семидесяти лет. Мрачная жизнь, заставляющая забыть, что перед тобой — литературное произведение, роман, книга, что не нужно воодушевляться, ибо все это ушло и уничтожено. Роман называется «Я люблю», но первая часть охватывает «ненависть». Правильное слово. Ибо погибли замечательные люди, чудесные работники, ласковые отцы, любящие мужья и матери. Погибли до конца, до последней точки, до пылинки, до ноточки. Вот дед Никанор. Гранит-камень, выработавший больше всех, самый сильный и, самый добрый, ласковый до каждого. Но жизнь дикая, зверская, без ласк. Никанор в погоне за заработком идет в опасный забой, он два дня лежит под обвалом. И конечно, О нем говорил бывало горновой Гарбуз:

«Сколько тепла в этом человеке, сколько пропадает. Теперь он не скажет этих теплых слов безумцев, но еще сохранивший былую силу, старик без своих зубов, сына, и невестку, он встает из-за бутылки водки, он сводит с жизнью свои неверные счесть. Схватывая слабых и ломая их кости, он дает своим своим непонятной злобе, он крутыми путями падают вниз, к жалкому, как у затравленного волка, концу. А ведь он мог бы быть настоящим человеком с человеческими отношениями и чувствами. Если бы не гибель строй, не каторжный труд. Революционеру Гарбузу это понятно:

«Вот до чего хозяева доводят рабочего человека. Они посадили в его душу зло, чтобы не было, значит, между нами друзей».

Такое дед Никанор. Сын его Остан — темень, как и он: кулак на слабое, спину — перед сильными. Он оторван от детей, от семьи, он бьет и медленно убивает жену, он не видит, что его дети умирают от голоду, что выживает только один Санька от лица которого ведется рассказ. Иной — Кузьма, которого несложные буквы азбуки привели к

* Профиздат, 1933 г. Роман печатается также в альманахе «Год шестнадцатый», № 2. Цитаты взезды по изданию Профиздата.

«Я люблю» Ал. Авдеенко

борьбе, к стачке, по которому нет дороги, ибо завод вырвал ему руку, схватил его раскаленной позой железа, изуродовал, вылил мозг и отбросил.

Санька отдыхает с сестрой Варей, пока и ее не схватят завод. 12 часов в день, половить суток в грязи и на холоде. Молодость, знаящие дни!

Но молодость работницы — молодость без радости. Имя есть она, бой, он проходит путь сомнений и

«Все пахнет распустившимися ветками вербы. Падающий неслышимым волнами туюль. Высокий лес, яркое солнце. Чисто в комнате. Чистая посуда».

Лакрировка? Мгновенное перерождение в коммуне бывших беспризорных и воров? Не спешите с выводами, у Авдеенко есть художественный такт. Санька борется с собой, он проходит путь сомнений и

Но страшной ценой платят за эту радость — и телом и духом, жизнью платят, делая ее покойей на смерть.

«Она шаталась потом на городском рынке, хмельная. Дружила с ворами. Лазила по чердакам за бельем. Стояла на темных углах, моргала поблудными глазами, общалась за полтинник неизвестные наслаждения».

А разве детство ее брата Саньки менее страшно? Весь мир — как призрачная осень.

«Я не способен думать. Мне ничего не хочется, ничего не жалю. Мне кажется, я весь век живу один, и у меня нет и не было никогда ни матери, ни отца, ни сестер, ни братьев. Я не умею бегать, я не умею смеяться, забыл, как плачу».

Чесотка, струнья, грязь, вши, побой, водка, голод, омерзительные слова, ударам падающие на ребенка, зверские по своей грубости. Простые названия вещей и явлений, окружающие Саньку, страшны, самый словарь романа корчится, в этих главах о ребенке писатель находит только жестокие слова.

Вторая часть называется «Рождение любви». Ей предшествуют последние главы первой части о конце ненависти, когда Санька попадает к красным на бронепоезд и на короткое время понимает сладость труда для своих товарищей, для родной страны.

Но он труден, этот путь прощания с прошлым; перед последней точкой первой главы стоит короткий эпизод: Санька, ограбив поезд, убивает своего сообщника. На его руках — кровь, когда он начинает вторую часть «Рождение любви». В первой же главе ее всплывают новые голубые слова:

колебаний, пока не становится металлургическим работником, а затем и машинистом на Магнитострое. Он живет тревожной жизнью, ибо:

«А что, если не будет этой тревоги? Не будешь ли ты лежать приплюснутый, пустой, без признака жизни? Не покажется ли тебе, что за стеклами никогда не наступит рассвет? Не пойдешь ли ты тогда, Александр, дорогой своего деда, рыжего Никанора Голода?»

Его тревога — за стровку, за домы, за паровозы, за чистые квартиры, за новую жизнь.

Надломилось, упало и развелось без остатка прошлое вора и убийцы, кокаинщика и беспризорника. Оно ушло и не пристает к замечательному машинисту, смелому социалистическому работнику, ударнику Александру Голоду.

Виссарион Белинский писал сердито в 1836 году: «Роман длинный, длинный, и поучительный, и чинный, прощельный бездна, действующий лишь тьма-тьмущая... У кого много лишнего времени и охоты, тот может прочесть».

Роман Авдеенко — и не длинный, и не чинный, и действующий не так уже много. Ведь в романе всего сто сорок пять страниц. Авдеенко читает и первую книгу, но для романа характерны собранность, сдержанность, цельность, стройность. Достигает он этого тем, что выдумывает вещи и события, но ставит своей целью дать жизненное, тесно связанное с действительностью повествование. Именно узлы книги, ее крепость, Думаю, что для первой книги — это необходимое условие, не всякий может справиться с широким охватом действительности, как это делает, например, Пафоров в «Брусках», Федин в «Городах и годах»

СТАТЬИ
СЕДЬМАЯ
ВОСЬМАЯ
ДЕВЯТАЯ

С ЧУЖИХ ПОЗИЦИИ

Геннадий Гор «Живопись»

Книга Геннадия Гора «Живопись» принадлежит к произведениям, прежде всего вызывающим живейшее недоумение. Становишься ступишь, не знаешь, что это: художественное произведение, своеобразная форма методологического трактата или сборник притч-сентенций.

Не отказывая «рассказам» Гора в некоторой (сугубо стилизованной) построении, мы все же не рискуем признать за ними художественности, ибо они навскизю лишены образности, ибо их воздействие как бы нарочито освобождено от эмоционального окрашивания. То, что иногда нет-нет, да и покажется в рассказах Гора удивительно элементарно полярно художественности, при ближайшем рассмотрении оказывается фальсификацией, подменой: или нагромождением отвлеченных логически построенных символов, или чисто стилистическим ухищрением стр-р-р-рашно материалистического порядка.

Приведем типичный пример. В рассказе «Живопись» художник Колубов размышляет квартиру поправившего его на улице своей обезличенностью «абстрактного гражданина» и наконец, найдя ее, Читатель вправе ожидать некоего образного раскрытия этой «стигматической» квартиры. На самом деле Колубов «поднялся в четвертый этаж по лестнице, которая была не широкой и не узкой, не чистой и не грязной, не старой и не новой». Через несколько строк гражданин привел его в комнату не широкую, не узкую, не темную, не светлую, не бедно, не богато обставленную».

Этот выхолащенный, ничего общего с художественной литературой не имеющий прием нами не одобрен специально — он положительнее проназывает всю книгу. Стилизированный под глубокомысленное шлоухе шлоухе заменяет образное воплощение действительности. «Он шел и ничего не видел. И вдруг он

1 Изд-ство писателей в Ленинграде, 1933.

остановился. Его руки остановились. Его ноги остановились, потому что он сам остановился» («Славя») и т. д. и т. п.

Психологические коллизии, хотя бы примитивная очерченность характера и наблюдательность в отношении типичных деталей и пр., все это ничто отсутствует в рассказах Гора.

Этот лиризм не возможности говорить о его книге как о художественном произведении. Книга носит чисто дидактический характер. Это действительно сборник сентенций-притч, посвященных живописи.

Подойдем же к этим рассказам с этой точки зрения и постараемся через искусственное нагромождение выдуманных, за волосы притянутых положений, должствующих заменить фабулу, прощупать принципиальные посылы поучающего автора.

Они очень не сложны. Рассказ «Живопись» — скучная, слабообразная большой порцией таинственности, мистичности, повесть о художнике, пораженном встречным и «абстрактным гражданином». Гражданин этот показан художнику когда-то виденным им провокаторм, а облик этого провокаторм нужен ему как центральный персонаж его картины. Художник следовательно попадает в три квартиры (по справке адресного стола) Бородинных (фамилия «гражданина»). И вот на третьей ступени, конюшечке скарза из скучного нагромождения авантюрических несурриализма — рождается кушечный дидактический вывод. Подходя к своей квартире, художник понял, что ни один из трех конкретных Бородинных не годится как тип провокаторм. Что настоящий тип «создания его синтетического воображения», в которое входит нечто от каждого из Бородинных. Востану — гора родила мышь! И мышь к тому же весьма художочную, ибо этот вывод не дает главного — не говорит о творче-

ском пути превращения из «частности в «вообщее». А путь этот — осмысление этого провокаторм через эмоционально-образное выражение мировоззрения творящего художника. Провокатор «вообщее», как собирательная типовая категория, — абстракция, фикция.

В «Живописи» плохой беллетрист оказывается и плохим дидактиком. Рассказ «Окно», ссылаясь доказывая совершенно беспорядочную для нас истину, что искусство должно быть действительно, а не созерцательно-построено на порочной формально-стилистической базе противопоставления «двери» (символ хода, движения) «кошку» (символ созерцания). И тут действительная мысль автора убитая голой абстракцией.

Место не позволяло мне дать хотя бы краткий анализ других рассказов Гора. Я хочу лишь еще остановиться на двух декларативных установках автора, как бы врезающихся непосредственно в нынешние творческие споры о живописи.

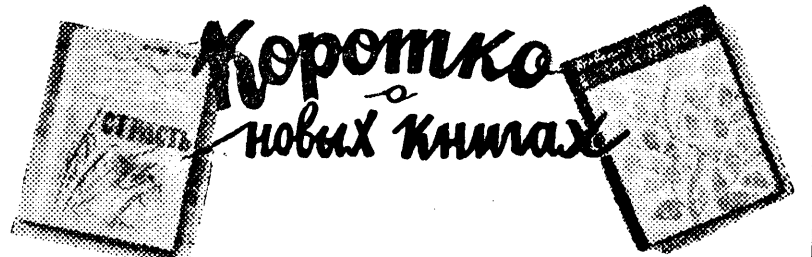
В рассказе «Живопись» Гор говорит против натурализма. Ну, что ж? Это правильно. Но в своей декларации он обнаруживает полное непонимание того, что такое натурализм. Он не понимает, что натурализм не в том, чтобы похоже, пусть почти точно так, как в жизни, выписать детали, признаки (это дело манеры художника), а в том, что художник не дает своего отношения к изображаемому, что он пассивен. Гор говорит с пафосом о художнике Колубове, что «он не собрался писать ни таких платников, которые были платниками только потому, что в их руках были топоры, ни таких партак, которые были партизанами только потому, что у них в руках были берданки». «Выбранный им эпизод он собрался дидактически развернуть на полотне, опустив несвязательное и выводящее основное, не абстрагируя какой-либо один момент восстания, а изображая все главные моменты, не только последовательно связанные один с другим, но и друг в друга переходящие». Какая в этой цитате чудовищная смесь формалистских кивков на реалистические детали (у платников в руках, очевидно, должны быть топоры, а флейты или белые лилии, что ли?) и рупорских «диалектических» премудростей вместо образного воплощения. Бедное полотно, которое максимум на трех квадратных метрах должно выдержать «все моменты восстания», да еще не только «связанные», но и «переходящие».

Положительное credo Гора мы находим в конце книжки, в рассказе «Вместительство живописи». Живопись вмещалась и, призывая о стен клуба, вывела идеологический идеалиста-профессора биологич. Какая живопись? Далим слово Гору: «Монументальная на стенах и молодая, написанная брательной Изором!... то были вещи, переставшие быть вещами, потому что под вещами, особенно вещами домашнего обихода, мы привыкли видеть неподвижность неизменяющихся столов и стульев, тучность комодов, безличность плавательных воев метафизической их устойчивости. То были вещи, не только увиденные, но увиденные и понятые, вещи, переходившие одна в другую, движенье машин, покоее на колесах, и сама жизнь вещей, покаяние «колось». Я привыкшая к интересной тишине (она — ослепленная) и отдалю читателя к стр. 151) книги. Сказанного достаточно, чтобы убедиться в фатальном сходстве, существующем между городским персонажем буржуазным «вещевком» — художником Шаром и самим Гором как теоретиком и методологом.

Книжка Гора представляет собой схоластическую мешанину эклектических, неверных теоретических высказываний и беллетристических мушкетерствований. А жалкая художественная литература по вопросу об отношении искусства к действительности очень нужна.

ОСИП БЕСКИН

* К сведению читателя: Изором — талантливое обдичение, шлоухом находившееся во власти левацких тенденций. — О. Б.

«ВЯТСКИЕ ЗАПИСКИ» *

Эту простую, живую и яркую книжку можно назвать записками, хроникой, дневником, повестью. В ней ожива политическая пора первых лет революции.

Тело, любовно, хорошо чувствуя детали, восстанавливает В. Лебедев это культурное явление революции. Над вятским краем, над маленьким северным городком Слободским.

Штрих за штрихом, следуя простому последовательности пережитой автором времени и дел. Рассказывая историю музея от первого его экспоната — ерога неизвестного животного, оказывается бивнем мамонта, Лебедев создает широкий краеведческий очерк (о вятских людях, об их искусстве и талантах), дышащий ветром революции и лирикой переживаний политический просветителя голодного и радостного.

3 РАССКАЗА *

Тема первого рассказа Бориса Пескова («Театр Серафима») — это мучительная ревность инженера-комсомольца Корнева к промужем жене.

Корнев упрекает жену в «надеянии». Это требование, бывшее «возмездием» буржуазной морали, он подкрепляет тем, что Энгельс высказался в пользу «единобрачия».

«Кажется, надо сохранить прежние чувства, иначе это приведет к разрыву, тогда какое же может быть «единобрачие» — рассуждает Корнев. Строительство театра отвлекает его от ревности. Здесь выступает на сцену общественный долг, но он не связан с психологическими переживаниями рассказа. Отсюда Корнев в армию — механический конюшка — оставляет неразрешенным вопрос об отношении супругов. Применение ли это к прошлому? Преодоление ли ревности? Согласится ли жена потом продолжать совместную жизнь? На все это автор прямо не отвечает.

Страсть, владеющая героем второго рассказа («Страсть») — охота. Мастер, показавший образец нового отношения к труду, склоняется своего приятеля к краже типографского шрифта чужого ему для дробей. И когда он улизывает охотой, едва не становится виновником гибели дочери. Он преодолевает свою страсть. В этом рассказе ситуация проще, перестройка — очень легкая, причина ее — личная. Но и здесь не разрешено сомнение: делает ли сознательней его отношение к общественному долгу преодоление личной страсти?

Наконец, в третьем рассказе («Трудное дело») изображена страсть положительная — влечение ударников к литературе, приводящее к организации литкружка.

Рассказы Пескова читаются с интересом. У автора есть свой подход к явлениям, способность психологического проникновения, умение развить сюжет. Его неопытность больше всего сказывается в искусственности отдельных эпизодов и диалогов. «Страсть» — замысел, от которого можно ждать дальнейшего творческого роста.

А. КИПРЕНСКИЙ

* Борис Песков, «Страсть», изд. «Коммуна», Воронеж, 1933 г.

МОЛОДЫЕ НОВЕЛЛИСТЫ

Павел Лин, Василий Ясенева

Чтобы добраться до сути, вам надо одолеть проволочные заграждения всяческих деталей, отсутствий, случайных эпизодов, авторских раздумий и выводов.

Так строит свои рассказы молодой писатель Павел Лин, дебютировавший недавно небольшой книжкой «Туз». Вещи и люди в его «морских» рассказах чрезвычайно вышуканы, но вещей Ясенева больше, чем людей, и создается такое впечатление, словно автору самому приходится продираться сквозь гущу всех этих вещей.

И тем не менее вы читаете эти «морские» рассказы с большим интересом, потому что писателю удалось выявить то новое, молодое, свежее, чем живет советский матрос.

Качественное отличие советского моряка, участника советского строительства, от его советской старшей, работающей в условиях капитализма, — такова главная идея рассказов П. Лина. Очень умело и четко разоблачает он ту культуру мастеровых зарубежных морских, за которой слышны и рядом скрывается политическая неграмотность, отсутствие общественных интересов, низкий уровень общекультурного развития, притупление классовых чувств и инстинктов. Вместе с тем Лин очень хорошо вскрывает интерес иностранных моряков к жизни и быту советского флота и братские чувства к нему не только со стороны сознательных передовых слоев пролетариата капиталистических стран, но даже и со стороны тех, кто отманен буржуазными и националистическими идеями. Интересно задуманы и выполнены в этом плане новеллы «Вор», «Авто-

вайт» (например, в новелле «Иван и Клим», где многократно появившаяся персона — старый театральный трикуровой прием — перестает под конец волновать читателя). Наряду со свежими образами мы наткнувшись на громоздкие метафоры и словесные выкрутасы, подтяжку которых оседает все повествование. К примеру: «Его хладнокровие, умноженное на бездельствие, делало невыносимыми несколько минут, отдававших судно от столкновения с поперечным барьером»; или: «Недвигая и глухо стоявшие на приколе паровходы с потухшими топками выткнули шею труб, точно пытаясь разглядеть безумца, осмелившегося перешагнуть порог города, упиноленного кризисом». Частенько фразы звучат фальшивой легкостью хлесткостью, снижающей художественную упругость рассказа. Все эти недочеты — растянutosи новеллы, перегрузка их ненужными деталями, языковая небрежность — свидетельствуют о том, что молодой писателю предстоит еще большая работа над собой. Ему предстоит постигнуть тот секрет производства, которым владеет мастер новеллы, — умение экономно и даже скупо расхоловать запас своих слов и наблюдений, красок и метафор с тем, чтобы идея рассказа выступала наиболее ярко и убедительно. Но уже первая книга молодого писателя показывает с несомненностью, что от П. Лина можно ждать значительных достижений.

Василий Ясенева не имеет еще отдельного сборника рассказов, но уже сейчас на основании того, что он напечатал за последние год-полтора в журналах, можно судить о том, что свою деятельность в качестве прозаика этот талантливый поэт (которого, к слову сказать, наша критика никак не заметила и не отметила) начал очень удачно. Как и П. Лин, Василий Ясенева работает исключительно в области рассказа-новеллы.

У Ясенева свой голос, его рассказы имеют собственную органическую лирическую природность, интим-

ная напряженность. Лиричен не только склад его повествования, но и вся тематика его отношения к героям, подход к жизненным явлениям, к действительности. Ясенева привлекает прежде всего глубоко интимный, скрытый от других, внутренний мир человека, связь человека с природой и окружающим, его отношение к самому себе, к своим поступкам и делам... Вот фигура старого рабочего Фирса, типичная для творчества Ясенева («Волныстый клен»). Старый столар, альфонс в чуждую плоть дерева, понося под его рубанком, под его умелыми и чуткими пальцами. Глубоко лиричен и юноша в рассказе «Солнечная сторона», и влюбленные в рассказе «Слова любви», и старый рабочий в рассказе «Мин».

Но Ясенева понимает, что его лирические герои-индивидуальности через эту свою личность пытаются оторваться от суровой действительности, и поэтому он ставит их с действительностью и делает это подчас нарочито грубо и беспощадно. Он разоблачает их иную и следит за тем как это отражается на внутреннем мире его героев. Характернее других в этом отношении уже упомянутый рассказ «Волныстый клен» (напечатан в журнале «Пролетарский авангард», № 8 за 1932 год). Тот самый столар Фирс, с благоговейным трепетом выделывающий из чудесного дерева игрушку, скрипку, выжуденный в звучане дерева, вынужден пойти на завод и делать там доски для швейных машин. Монотонная работа угнетает его, завод кажется ему чужим и холодным. Приходя домой, Фирс часами работает над скрипкой и беседует с бывшим человеком, музыкантом Юрковым, о смысле жизни и искусстве, об истинной радости, и контролеолуционер Юрков находит доступ к сердцу Фирса.

Фирс колеблется. Но рабочий коммунист Фролов, почувывая, какая борьба происходит в душе Фирса, ведет его по заводу, показывая ему рождение машины объясняет ему процесс производства, раскрывает перед ним познанию и радость сознательного социали-

стического труда и мощь покоренной машины, — и в грохоте заводской Фирс слышит звучащее нового мира, ту великую песню природы, к которой он всегда тянулся, и эта ослепительная боль, и это ощущение, что опирается на великую и чуждую от которого он в тиши делаю свою скрипку. Так происходит приобщение Фирса к коллективному труду. Так лирически разрешает автор коллизии своего героя.

Интересен в этом плане и рассказ «Враги» («Пролетарский авангард», № 7 за 1932 год) о немецком рабочем, которого переселителем суровой правды социалистической страны, разрушил и разлагает этот прим. Иллозины, а главное, это определяет характер социалистического работника, в этом — героизм, чему, конечно, нисколько не противостоит, но служит составной частью героя в моменты опасные или катастрофические. Разведчик событий Авдеенко ярким быть также и разведчиком ярких, больших идей. Обдумывание — вот сейчас для него главное звание, ибо жизнь он знает, писать о ней умеет, думать о ней хочет.

С. ДИНАМОВ

С. ЛЕВМАН

А. С. Новиков-Пригод делится своим опытом с молодежью

МОСКВА
ЧЕТВЕРТАЯ ШЕСТИДНЕВКА
СЕНТЯБРЯ

В Коммунистической академии состоялось 20 сентября заседание, посвященное итогам строительства Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. Большой зал Комкадемии был переполнен.

После обстоятельного доклада т. Филова с большой речью выступил Максим Горький. Он рассказал собравшимся о своей встрече с людьми, перекачывающими ОГПУ — теперь работниками строительства канала Волга-Москва.

Заседание закончилось коллективным осмотром выставки, посвященной Беломорскому, открытой в Конференц-зале Комкадемии.

А. Исбах этим летом съездил к своим героям. Писатель навестил старых друзей — героев своих красноармейских рассказов. Они работают сейчас на Урамшахово. Они вновь появляются в произведениях Исбаха.

На вечер в ЛИЯ писатели-камписты отчитывались в своей летней работе.

А. Сурков рассказывает о работе в Черноморском флоте. Он повел этим летом на линкоре «Ларисская коммуна». Поэт вместе с командиром Давиденко пишет сейчас ряд песен для черноморских моряков.

Поэт С. Шичачев в поисках тем и героев провел это лето в колхозах Урала. Сейчас он подготавливает к печати новую книгу стихов «Моя родина».

Г. Коробельников съездил с оккупированной писателем на Беломорский. Сейчас с группой писателей он работает над историей величайшего в мире канала. Он рассказывает на вечер план книги о Беломорско-Балтийском водном пути.

Творческие отчеты, взаимная проверка и обмен опытом среди писателей-слушателей Института ЛИЯ ИКП т. Б. Возни, имеют большое значение.

ЛИЯ ИКП совместно с Оргкомитетом и редколлегией журнала «Октябрь» устроил в ближайшем будущем ряд новых литературных вечеров. Они будут посвящены творчеству Ф. Панферова, Ф. Галкина, Б. Талина, А. Исбаха, А. Суркова, С. Шичачева, татарского писателя Т. Тулумбайского и др.

В феврале будущего года литературная жизнь Москвы будет отмечена значительным событием: декада литератур народов Закавказья, которая будет проведена в Москве, завершит и как бы подытожит работу комиссии Оргкомитета по изучению литературы Азербайджана.

Уже в начале октября азербайджанская комиссия останется в Москве, чтобы в живой беседе обсудить намеченные планы. Установление тесной деловой связи с торгово-культурными научными учреждениями Ленинграда и Москвы, установление связи с секцией литературы народов СССР Комкадемии, составление полной библиографии русской художественной литературы об Азербайджане (главным образом, произведения о нефти), подготовка библиографических материалов о всей тюркской литературе, переведенной на русский язык, в частности, о литературе, посвященной фольклору Азербайджана, — с этого только начинается работа азербайджанской комиссии Оргкомитета (руководитель — Л. Авербах).

Декада литературы народов Закавказья, в проведении которой примут участие писатели Азербайджана, Грузии и Армении, начнется уже после того, как будут выпущены комиссией три сборника — альманах тюркской литературы, антология

ЮБИЛЕИ
Ис. ГОЛЬДБЕРГА

И. Г. Гольдберг

Сибирская общественность готовится к празднованию 30-летия литературной деятельности широко известного в Сибири писателя Исаака Григорьевича Гольдберга. Первые произведения Гольдберга были напечатаны в 1903 году.

В 1907 году Исаак Григорьевич был арестован и отправлен в ссылку, сначала в Братский острог, затем на Нижнюю Тунгуску. В 1912 году Гольдберг возвращается из ссылки и через два года издаст в Москве книгу «Тунгусские рассказы».

О Гольдберге можно смело сказать, что он первый ввел в литературу реальных тунгусов енисейского Севера, жестоко угнетаемых «настоящим», может быть, и редакторскому какому-нибудь пофратиф, кто знает.

Но наши авторы скромны. Они поспешают свои рассказы в ленинградский журнал «Резев». Они ждут ответа. Ответ не заставляет себя ждать больше восьми месяцев. Он приходит, наконец! И наши начинающие дрожжищими пальцами вскрывают два конверта.

«Произведения ваши слабоваты», читает профессор, — «слабоваты вам и лиризм, и журналистика». Возможно, возможно, — борючий профессор, — «чорт его знает, может быть, и рано, действительно». Эй, стой, тут дальше чего-то уже не по существу. «Вам необходимо усилить, что при этом запаса знаний, какой вы имеете, консультант не научит вас писать художественно ценное произведение. Прежде всего надо приобрести общие, элементарные литературские и технические знания».

«Если не учиться, не имеет возможности учиться, свяжитесь с заочными курсами...» — так назидательно и вкрадчиво отвечает журнал начинающим.

Что за чорт — рассердился профессор, зачем мне заочные курсы? Тут какая-то путаница! Может быть, это не мне? Нет, мне, адрес правлен. А у тебя что сказано?

— Да у меня, понимаешь, странного чего-то, — пробормотал инженер, — заочные курсы, понимаешь, рекомендуют. Они, видно, за лиризм и за слабую журналистику.

— И тебе заочные курсы? А ну, дай взглянуть. Приятель поражен страшной догадкой. Сличил отзывы — и убедился, что они абсолютно одинаковы, что это — просто стандартные бумаги, напечатанные, видимо, в массовом тираже, на машинке. Только фамилии были разными.

«Купите заочные курсы начинающего писателя», — рекомендует, комая илет совет — литературнику ли, зубному врачу, журналисту или бригадмейстеру.

Из Записной Книжки

Допустим, что один из них — молодой профессор-экономист. Другой, скажем, инженер. Они живут в провинции и занимаются, кроме всего прочего, литературой. Пишут, понимают, в свободное время рассказы. Печатаются в туземных органах. Изучают теорию в кружке. Считают по праву начинающими писателями. Все хорошо. Но им хочется услышать отзыв «настоящих писателей».

Первые произведения Гольдберга были напечатаны в 1903 году. В 1907 году Исаак Григорьевич был арестован и отправлен в ссылку, сначала в Братский острог, затем на Нижнюю Тунгуску.

В 1912 году Гольдберг возвращается из ссылки и через два года издаст в Москве книгу «Тунгусские рассказы».

О Гольдберге можно смело сказать, что он первый ввел в литературу реальных тунгусов енисейского Севера, жестоко угнетаемых «настоящим», может быть, и редакторскому какому-нибудь пофратиф, кто знает.

Но наши авторы скромны. Они поспешают свои рассказы в ленинградский журнал «Резев». Они ждут ответа. Ответ не заставляет себя ждать больше восьми месяцев. Он приходит, наконец! И наши начинающие дрожжищими пальцами вскрывают два конверта.

«Произведения ваши слабоваты», читает профессор, — «слабоваты вам и лиризм, и журналистика». Возможно, возможно, — борючий профессор, — «чорт его знает, может быть, и рано, действительно». Эй, стой, тут дальше чего-то уже не по существу.

«Вам необходимо усилить, что при этом запаса знаний, какой вы имеете, консультант не научит вас писать художественно ценное произведение. Прежде всего надо приобрести общие, элементарные литературские и технические знания».

«Если не учиться, не имеет возможности учиться, свяжитесь с заочными курсами...» — так назидательно и вкрадчиво отвечает журнал начинающим.

Что за чорт — рассердился профессор, зачем мне заочные курсы? Тут какая-то путаница! Может быть, это не мне? Нет, мне, адрес правлен. А у тебя что сказано?

— Да у меня, понимаешь, странного чего-то, — пробормотал инженер, — заочные курсы, понимаешь, рекомендуют. Они, видно, за лиризм и за слабую журналистику.

— И тебе заочные курсы? А ну, дай взглянуть. Приятель поражен страшной догадкой. Сличил отзывы — и убедился, что они абсолютно одинаковы, что это — просто стандартные бумаги, напечатанные, видимо, в массовом тираже, на машинке. Только фамилии были разными.

«Купите заочные курсы начинающего писателя», — рекомендует, комая илет совет — литературнику ли, зубному врачу, журналисту или бригадмейстеру.

ОТЪЕЗД
М. А. НЕКСЕ

17 сентября вечером Мартин Андерсен-Нексе уехал через Ленинград в Данию.

Накануне его отъезда ВОКС организовал вечер, посвященный 17 сентября ГИХЛ организовал встречу Нексе с советскими писателями. Нексе приветствовали руководители ГИХЛ Я. Накорыков и писатели Ф. Глазков и Бруно Ясенский.

Член правления ГИХЛ т. Оболенский ознакомил Нексе с работой издательства с молодыми авторами. Нексе благодарил за прием, обещав приехать в СССР через полгода (к всесоюзному съезду писателей).

Нас просит довести до сведения литературных организаций, что сверхскоростные поезда советских изобретателей т. Ямольчука и Вальднера в эксплуатации еще не поступили и находятся в стадии экспериментального строительства.

Это особенно следует учесть ЦК союза полиграфических рабочих и Оргкомитету писателей, которые, видимо, считают что в Сибири таковые поезда уже пущены. Иначе как же объяснить, что в Западной Сибири приглашение на слет литераторов ЦК союза полиграфических рабочих не поступило в действительности и приглашения в Новосибирск 28 августа извещение о приеме на курсы кинокадров. В извещении было указано, что прием заканчивается 1 сентября. Курьерский же поезд из Новосибирска идет до Москвы три дня суток. Спрашивается, какие средства передвижения бумаг нужно применить, чтобы повестки приходили не на чертешке имениями.

О, супербожжика! Респектабельная и глянцевитая, ты пришла из-за рубежа и плотно облекла наши книги. Ты быстро расцвела, ты боишься частью никому не нужна. Ты ищешь и просто меньше всего читаемую книжку. И тебя продвигают снискать. В тебе нет ни шишки, ни толку. Ты — скверная традиция. Ты — неудобная мода. Ты — накладной расход и бумажарная растрата, ты — звучная, но ничтожная приставка к добротной рабочей обложке. Подумаешь, супер! Вель ты не суперфосфат — ты ничего не удобриваешь, ты не суперпаравия — ты не высоко ценна. Ты подымаешь только цены. И копеечная книжонка, зарплатывавшая в тебя, тынется к чертовой бабушке.

Продажи же ты пропадаю, печальная энциклопедическая супербожжика!

Литератор

ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ПОДЪЕМЕ

Молодая чувашская художественная литература выросла количественно, расширилась и разнообразилась формами и стилями, приобрела обогатилась идейно-художественным содержанием, наметилась литература современной тематики (индустриализация и коллективизация страны).

За последние годы появились значительные по теме и сюжету романы Краснова «В гору» (автор отразил годы великого перехода, дал картину хлебозаготовок и классовой борьбы во время коллективизации); повесть Тукташа «В бытие и лоту» — тоже из области коллективизации чувашских районов Средней Волги; поэма Хузангаш «Магнитту» (Магнитогорск), посвященная индустриализации, социальному соревнованию и интересному воспитанию пролетарских кадров, создаваемых из

остальных национальностей (чуваш, татар, казаков, киргизов и др.). Появились повести и рассказы Трубиной, Яланова, Раза, Талвары, Хуми Семель, Патман и др. и драматические произведения Лашина, Айзман, Мранья, П. Осипова и Максимов-Кашкинского на современные темы.

Практика социалистического строительства вызывает усиление творческой работы чувашских писателей, которые сейчас работают над созданием более крупных полотен. Так, Эльгер работает над драмой «Месты» и историческим романом «Годы бурь»; Раял пишет вторую часть повести «Земля вранит»; Алегар — «Дочь бурь»; Лашина — фантастическую повесть «Крылатая страна»; Агапов — драму «Пути-дорожки»; Талвар — роман «Золотая гора»; Митта — поэма «Тарас Шерби»; Уил Мишши — поэму «Днепрострой»; Петюки — поэму «Октябрь»; Мранья — пьесу «1905 год» и т. д.

Но приходится сказать со всей серьезностью, что все эти успехи пока характеризуют, главным образом, количественный рост. За совершенно незначительным исключением качество литературы явно не соответствует размаху социалистического строительства и росту культурного уровня трудящихся масс Чувашии. Если такие поэты, как Хузангай, Раял, Митта, Мишши и буржуазно-националистический элемент теперь перестраиваются и усваивают метод социалистического реализма, то старые писатели, как Юман, Вангер (лидеры националистов), еще медленно отходят от старых позиций противопоставления всего чувашского русскому, неверия в социалистическую перспективу хозяйства маленькой «наперстки» республики, а также отставания застывших форм чувашского языка и орфографии.

Отсюда ясно, какая серьезная работа стоит перед нашей критикой по борьбе с прогнившими мелкобуржуазными националистическими тенденциями в художественной литературе, являющейся сравнительно менее защищенным участком. Нужно сказать, что и сама чувашская критика еще не вышла из первоначальной стадии, что отдельные критические работники из-за теоретической малоподготовленности и недостаточной литературной квалификации, а иногда вследствие поверхностного, подчас недобросовестного подхода к своим прямым задачам не могли обеспечить руководством творческое воспитание чувашских писателей, особенно молодых.

Н. ВАСИЛЬЕВ
г. Чебоксары

ОБОЗРЕНИЕ ПЕЧАТИ

„ВОЛЖСКАЯ КОММУНА“ и „РАБОЧАЯ ПЕНЗА“

июль—август 1933 г.

„РАБОТА ТРУДНАЯ, НО И НА РЕДКОСТЬ ИНТЕРЕСНАЯ“

„КРАСНАЯ КНИГА тов. СТАЛИНУ“

«Литературная газета» уже сообщала об инициативе бригады т. Старовишневой (колхоз «Большое Сырзанское» в Красной книге Волги) по созданию «Красной книги т. Сталину».

Сейчас, конечно, трудно еще предопределить все способы передачи богатого содержания «Красной книги». «Волжская коммуна» ставит задачей «создать общими усилиями такую книгу, которая бы содержала и цифры, и таблицы, и художественные образы, и серьезные политические обобщения».

Работа над «Красной книгой» есть также серьезнейший политический и творческий экзамен для местных советских писателей и для посланной ассоциирован Оргкомитетом ССП бригады писателей. «Работа трудная, но и на редкость интересная», — пишет о «Красной книге» А. Дорогобуженко. — Работа над книгой т. Сталину — продолжает т. Дорогобуженко, —

«является для писателей двойной проверкой. В современной обстановке быть писателем и обходить вопросы строительства социализма в деревне нельзя. Это первое. Другой момент — проверка совместной работы писателя с газетой (материалы «Красной книги» печатаются на страницах «Волжской коммуны». Ред.). Наши дни именно требуют от нас, советских писателей, умения работать всегда, вместе с газетой, не отрываясь от нее».

Газета «Волжская коммуна» в прошлом занималась вопросами литературы, много говоря, слабо. С времени июньского совещания писателей и работников, организованного газетой, заметно некоторое движение вперед. Чаще по-прежнему художественный очерк, обстоятельно помещенные в аргументированных рецензиях т. В. Малахова о кни-

ге И. Фролова «Сын победы» и И. Скляра «На разезде». Создание «Красной книги т. Сталину» должно привести в частности к решительному переходу в литературной работе в крае и в литературной работе газеты.

Нужно отметить, что, повидимому, местная литорганизация еще недостаточно активно участвует в создании «Красной книги». Вот, например, сообщение т. Садовского из Пензы:

«Газета «Рабочая Пенза» начала работу над «Красной книгой», но Оргкомитет писателей ничего пока не делает. Надо бы и по линии Оргкомитета дать определенные конкретные установки» («Волжская коммуна», № 191).

В «Красную книгу» уже занесены переводы колхозов края. Газета «Рабочая Пенза» в июле и августе печатала очерки о лучших колхозах. Эти очерки представляют собою материал (иногда, конечно, еще очень сырой) для «Красной книги». В этих очерках находится очерк «Коммунар» (№ 160) — пример недопустимого «холодного» отношения к теме и материалу. В очерке положительным председателем колхоза «Землебор» А в номере от 25 июля газета печатает материал о сокрытии этим председателем зерна, предназначенного для поставок государству. Что это значит? Это значит, что очерк совершенно не изучил колхоза и людей, им руководимых, и с бесовой легкостью подошел к своей важной работе.

Подобных и сколько-нибудь сходных «случаев» не должно быть в газетной практике и особенно в таком деле, как «Красная книга».

Задача всей общественности Средней Волги, ее печати и литературных организаций — обеспечить высокое политическое и художественное качество всего поступающего для «Красной книги тов. Сталину» материала.

ИЗВЕЩЕНИЯ

23 сентября, в 19 часов, в ИКП (Старая Остоженка, 33) организуется вечер, посвященный 30-летию со дня смерти И. С. Тургенева, с докладом т. Головинченко.

ТВОРИТЕЛЬСКИЕ ВЕЧЕРА КЛУБА РАБОЧИХ-ПИСАТЕЛЕЙ ОК ССП. 25 сентября — вечер поэта А. Колычева. Вступительное слово Н. Кружниковой.

В предыдущем номере «Литгазеты» на 2-й стр. под статьёй «Черты капитального ремонта» по техническому недосмотру пропущены подпись автора и место написания статьи. Должно быть: «Раиса Мещеряева, Ленинград».

2. Произведения, представляемые на конкурс, должны быть в высоком идейном и художественном уроне и вместе с тем по композиции и изложению должны быть доступны широчайшим кругам советских читателей.

3. Размеры произведения условно ограничиваются в пределах от 3 до 10 авторских листов (по 40 знаков).

4. Конкурс объявляется с момента публикации настоящих условий в печати. Последним сроком представления рукописей устанавливается 1 мая 1934 года. Рассмотрение рукописей производится до 1 июня 1934 года.

5. По окончании рассмотрения, 1 июня 1934 года, присуждаются три премии за лучшие произведения. 1-я премия — 10.000 руб., 2-я — 5.000 руб., и третья — 3.000 руб.

6. Все непромарианные и непромарианные, но одобренные рукописи, оформленные должным образом и доставленные в издательство «Советская литература», принимаются оговоренным гонораром по договору.

7. Рукописи, представляемые на конкурс, должны быть оригинальными. Автор имеет право публикации произведения только с разрешения издательства.

8. Рукописи должны быть помещены в неопломбированный конверт, в конверте должен быть указан действительный домашний адрес автора в запечатанном конверте с тем же неопломбированным конвертом на нем и с пометкой «на конкурс Политотдела». Конверты вскрываются после присутствия жюри.

9. Рукописи могут быть представлены на любом языке народов СССР.

Изд-во «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

27 сентября — вечер поэта П. Лебедева-Курганя. Вступительное слово Ю. Березовского. Доклад В. Гурьева.

28 сентября — вечер просмотра выступлений сборника «Сморгсин» (ГИХЛ) с участием авторов. Вступительное слово Ф. Горшенефера.

Ответственный редактор С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журналистско-газетное объединение
Адрес редакции:
Москва в, Тверская б. 25. Дом Герцена, 3 этаж. Тел. 2-80-12

КОНКУРС
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Советская литература“
ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ
О ПОЛИТОДЕЛЕ МТС или СОВХОЗА
УСЛОВИЯ КОНКУРСА:
1. Художественное произведение должно отобразить борьбу политотдела за успешное выполнение решений партии о сельском хозяйстве, за организационно-хозяйственное укрепление колхоза, за сев и урожай, показать героизм социалистической прорывной работы колхозников, социалистического человека, культурный рост деревни, показать борьбу о классовым врагом, кулаком за колхозный фронт.
2. Произведения, представляемые на конкурс, должны быть в высоком идейном и художественном уроне и вместе с тем по композиции и изложению должны быть доступны широчайшим кругам советских читателей.
3. Размеры произведения условно ограничиваются в пределах от 3 до 10 авторских листов (по 40 знаков).

КОНКУРС
НА КНИЖКУ-ГРИВЕННИК
Организуя издание серии массовых «книжка-гривенник», рассчитанных на широчайшие круги советских читателей, в первую очередь на массы колхозников, серия издается миллионными тиражами по цене в десять копеек за экземпляр, издательство «Советская литература» объявляет конкурс на рассказы, очерки, пьесы, стихи для этой серии.
Произведения, представляемые на конкурс, должны отвечать следующим условиям:
1. Произведения должны быть посвящены важнейшим вопросам социалистического строительства, прорывной деятельности, культурной революции, созданию нового человека, обороны СССР.
2. Произведения, представляемые на конкурс, должны быть в высоком идейном и художественном уроне и вместе с тем по композиции и изложению должны быть доступны широчайшим кругам читателей по композиции, языку, изложению мыслей и фактов.
3. По своему размеру произведение не должно превышать 1 авторского листа (40.000 знаков) для прозы и 300 строк для поэмы.
4. Конкурс объявляется с 1 октября 1933 г. и продолжается беспрерывно.
5. Рассмотрение рукописей и присуждение премий производится каждые три месяца, т. е. для 1933 г. — 1934 г. в следующие сроки: 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября 1934 года.
6. Каждые три месяца присуждаются по две премии для прозы (1-я премия — 2000 р., 2-я премия — 1000 р.) и две премии для стихов (1-я премия — 2000 р. и 2-я премия — 1000 р.). Премии в виде рукописей при изданиях оплачиваются гонораром в 1000 р. на авторский лист прозы и в 500 р. за строку для поэмы, но непромарианные, но принятые к изданию, оплачиваются гонораром в том же размере.
7. Рукописи, представляемые на конкурс, должны быть оригинальными и представлять собой законченное самостоятельное произведение.
8. Рукописи должны быть снабжены неопломбированным конвертом с в издательство должны быть доставлены запечатанным конвертом с тем же неопломбированным конвертом на нем и с пометкой «на конкурс Политотдела». Конверты вскрываются после присутствия жюри.
9. Рукописи могут быть представлены на любом языке народов СССР.
Изд-во «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛ
«КРАСНАЯ НОВЬ» № 8
Содержание № 8
Литературно-художественный отдел
КОНСТАНТИН ФЕДЫН — Положение в колхозе (роман).
ВОЛФ Ф. ЭРИХ — Биография моего товарища (стихи).
БОРИС ЛАВРОВ — Письмо к моему другу (роман).
ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ — Молодежь (стихи).
И. БЕРНГАРД — Воспитательная роль молодежи (повесть, продолжение).
ВЛАДИМИР ЮДИН — Стихи на пикете (стихи).
ГЕОРГИЙ КАЛЬВАРИЙ — Простым глазом (повесть).
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.
РОМАН РОЛАН — Смерть одного человека (роман).
КАРЛОС ГУТТЕРЕС КРУС — Рудольф (стихи).
ХЕРМАН ЛИТ АРСУБИДЕ — Космос (стихи). Перевод с немецкого (мексиканского). Д. Выгодский.
КУЛЬТУРА И БЫТ.
И. БОРИСОВ — О ПУТИ.
НИК. БРИКОВ — История тиграного завола.
ИСКУССТВО И НАУКА.
В. С. ПОКРИШВИНСКИЙ — Архитектурные заметки.
ТРИГУНА ПИСАТЕЛЬ.
ВАЛ. СТЕНУН — Речь о Дос-Пассосе.
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
Ф. БУТКО — И. Сальковский-Щедрина о реализме.
КРИТИКА.
Н. РЫКОВА — О творчестве Андре Жюль.
БИБЛИОГРАФИЯ.
М. ВИТЕСОН — Л. Ланский. «Поселение раба».
И. И. ОКСИНО — Владимир Луговской «Лань».
Д. ВЫГОДСКИЙ — «Сборник японской революционной литературы». Р. РИЗОВ — М. П. Алексеев, «Стихи в известных иностранных пуэтистических и писателе».
И. И. ОКСИНО — 1 июля.
Цена в месяц 4 копейки — 12 р. На 3 месяца — 6 р.
Подписка принимается помесячно по почте и газетными бюро Союзпечати, а также магазин КИЗИ.